

Гиль О. Л.
O. L. Giel

**РОЛЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАЧАЛА В РОМАНЕ У. СТАЙРОНА «ВЫБОР СОФИ»
(окончание)**

**NON-FICTION ELEMENTS IN WILLIAM STRYTON'S NOVEL "SOPHIE'S CHOICE"
(PART TWO)**

Гиль Ольга Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск); 644099, г. Омск, ул. Партизанская, д. 4а, корп. 2. E-mail: Kafedra-2006@mail.ru.

Ms. Olga L. Giel – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Literature, Omsk State Pedagogical University (Russia, city of Omsk), 644099, Omsk, 4a Partisanskaya St., building 2; Kafedra-2006@mail.ru.

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь документа и художественной литературы в романе У. Стайрона «Выбор Софи». События в романе представлены через призму видения начинающего писателя Стинго, подружившегося с евреем Натаном и польской эмигранткой Софи, бывшей узницей Освенцима (Аушвица). При создании книги Стайрон опирался на множество документальных свидетельств. Предмет интереса автора данной работы – роль документа в романе Стайрона.

Summary. The paper studies the relation of documentary elements and fiction in the novel “Sophie’s Choice” by William Styron. The story is told by a young writer Stingo who becomes a friend with a Jew called Nathan and a Polish refugee girl Sophie - survivor of the Oświęcim (Auschwitz) concentration camp. Styron wrote the novel on the basis of many documents. The influence of real life documents on the novel is studied in this paper.

Ключевые слова: американская проза, документальная литература, художественная литература, вторая мировая война, нацизм, Освенцим (Аушвиц), выбор, ответственность.

Key words: American prose, non-fiction, belles-lettres, II World War, Nazism, Oświęcim (Auschwitz), choice, responsibility.

УДК 82(73)

Со страшным миром Освенцима узники соприкасались еще до того, как входили в ворота, на которых издали виднелась кошунственная надпись «Труд освобождает». Кошмар начинался на перроне, когда эсесовцы распределяли людей на группы: способных приносить пользу и подлежащих немедленному уничтожению. В романе «Выбор Софи» на перроне появляется важная для Стайрона фигура – врач, наделенный писателем говорящим именем, – Фриц Йеманд фон Ниманд (Fritz Jemand von Niemand). Стайрон дает ему одно из наиболее распространенных в Германии имен и ставшее, в силу этого, нарицательным. Фамилия же его в переводе с немецкого и вовсе означает «Некто фон Никто». Так появляется собирательный образ ничтожества, в силу обстоятельств реализовавшего свои низменные потребности и превратившегося в чудовище. По всей вероятности, этот образ своим происхождением обязан как минимум двум прототипам: самому коменданту лагеря Хессу и доктору Менгеле [1], прозванному заключенными «Ангелом Смерти». Как известно, доктор принимал личное участие в «селекции», отправляя людей в газовые камеры и в то же время подбирая себе «подопытных кроликов». Менгеле проводил страшные опыты на близнецах, калечил и убивал людей в поисках способов ограничения рождаемости «недочеловеков», исследовал воздействие психического и физического истощения на человеческий организм, заражал за-

ключенных различными болезнями, чтобы проверить на них эффективность новых лекарств и т.д.

Один из героев романа Стайрона – крестьянин Бронек, внешне полуидиот, а в действительности один из участников польского Соппротивления, оказался одним из таких подопытных: «После проведенного над ним опыта его должны были по всем правилам пустить в расход – сделать укол в сердце и вышвырнуть на свалку, как шелуху. Но Бронек обладал крестьянской жизнестойкостью <...>. Он бы по-прежнему вынослив, как козел, что сделало его для эсэсовских врачей предметом озадаченного изучения, а затем <...> привлекло внимание Хесса. <...> Он перевел Бронек под крышу своего дома...» [2, 356].

Мысли Стинго занимает фигура доктора, проводившего «селекцию» и предоставившего Софи возможность (а в действительности, заставившего) совершить чудовищный выбор: оставить в живых лишь одного из ее детей. Дочка Софи, держа в руках свою флейту и игрушечного мишку, отправляется в газовую камеру. В «Воспоминаниях» Хесс приводит несколько эпизодов из своего «послужного списка», когда не понимающие, что происходит, дети с игрушками в руках входили в газовые камеры, или, напротив, мать стремилась вытолкнуть из газовой камеры детей в надежде спасти их. Подобные примеры Хесс комментирует следующим образом: «Такие потрясающие сцены не были редкостью и производили угнетающее впечатление на всех присутствующих» [3].

В отличие от остальных офицеров-эсэсовцев, доктор в романе Стайрона был абсолютно пьян: «Глаза у него смотрели в разные стороны, <...> на отворотах его мундира виднелись жирные рисинки <...>. <...> для доктора находиться в таком виде было крайне опасно» [2, 667]. По мнению Стинго, доктор, когда-то искренне верующий человек, к моменту встречи с Софи «треснул как бамбук и начал рассыпаться» [2, 665]. Размышляя о нем, Стинго (и, разумеется, Стайрон), замечает: «...если он был хоть сколько-нибудь похож на своего шефа Рудольфа Хесса и на эсэсовцев вообще, то он <...> отбросил христианство, продолжая, однако, делать вид, что верит в бога. <...> не мог он не знать, что машина поставки рабов, которую он обслуживал <...>, была издевательством над богом и его отрицанием. А кроме того, доктор, по сути дела, был вассалом концерна «И. Г. Фарбен». <...> Ненасытная утроба «И.Г. Фарбен» требовала человеческого сырья...» [2, 668].

Так в повествование вводится еще один важный в понимании специфики функционирования Освенцима элемент – концерн «И.Г. Фарбен» [4], а с ним дважды возникает на страницах романа фигура одного из его управляющих – Вальтера Дюррфельда [5]. Впервые Дюррфельд появляется на страницах романа, когда Софи вспоминает довоенный Краков и встречу своего отца-германофила с холемым и обаятельным немецким промышленником. «Что прикажете делать такой стране, как Германия, – лишенной колоний, которые она могла бы использовать, <...>, при том, что ей противостоит враждебный мир, по краю которого ходят международные пираты и барышники? <...> Германии ничего не остается как *усиленно* творить. Она должна с помощью своего гения создать из хаоса *собственное* достояние – все! – а потом стать спиной к стене перед сонмом врагов» [2, 531], – убежденно и убедительно, с точки зрения Софи и ее отца, вещает Дюррфельд. И еще раз – но уже совсем в иной обстановке – довелось Софи встретить промышленника: шесть лет спустя, в Освенциме, расплывшийся и обрюзгший Дюррфельд говорил с Хессом «почти исключительно о евреях и их отправке в страну небытия» [2, 535]: «Вы действительно отвечаете перед властями, Руди <...>. Я ответственен перед правлением корпорации <...>, вы должны давать мне больше евреев, чтобы мы могли поддерживать производство на установленном уровне» [2, 557]. Вновь речь идет об экономике, об интересах Германии, и, как и прежде, за патетическими фразами таится страшная истина: для нацистов цель оправдывает средства, и жажда наживы и господства не подразумевает размышлений о судьбах «рабов».

Власти Освенцима предполагали, что заключенные проживут в лагере не более трех месяцев, не выдержав голода, побоев и унижений, поэтому первый заместитель коменданта лагеря Карл Фрич говорил вновь прибывшим: «Вы приехали сюда не в санаторий, а в немецкий концентрационный лагерь, из которого только один выход – через трубу. Если это кому-то не нравится, может хоть сейчас броситься на проволоку. Если есть в эшелоне евреи, то они не имеют права жить больше двух недель. Если есть ксендзы, то им дается один месяц, остальным – три месяца» [6]. Практически слово в слово эта речь дважды звучит в романе

Стайрона: впервые Софи цитирует слова начальника концлагеря для Стинго в контексте размышлений Стайрона о взаимосвязи нацизма и рабовладения, и затем писатель еще раз вкладывает фразы Фрича в уста Софи, когда она упоминает о том, что у нее отобрали дочь, и моментально меняет тему разговора. «Через двадцать четыре часа после прибытия в лагерь Софи узнала, что ей вынесен смертный приговор...» [2, 535-536], – комментирует повествователь.

И еще одну крайне важную мысль стремится донести до читателей Стайрон: среди тех, кто обеспечивал существование концлагерей, было совсем немного профессиональных военных. «...Ничего удивительного тут нет. Военные способны на страшные преступления <...>, способны творить вторичное зло – агрессивное, романтическое, мелодраматичное <...>. Подлинное же зло, зло Аушвица, от которого захватывает дух, – зло мрачное, однообразное, унылое, неприкрытое – осуществлялось почти исключительно гражданскими лицами. <...> среди эсесовцев в Аушвице-Биркенау <...> были представлены все слои германского общества. Там были официанты, булочники, плотники, владельцы ресторанов, врачи; там был бухгалтер, почтовый служащий <...>, медицинская сестра; слесарь, пожарник, таможенник, <...> фабрикант музыкальных инструментов <...> ... список этот может быть продолжен перечислением прочих <...> гражданских профессий [2, 207-208]. Лагерь становился местом формирования новой формы человеческого сообщества, представляющей собой «общество тотального подчинения» [2, 326], делающей возможным существование до той поры невыносимого. В частности, известно, что в Освенциме был оркестр, собранный из лучших музыкантов Европы. Оркестр этот исполнял марши при утренних и вечерних «переключках» узников, а также развлекал классической немецкой музыкой эсэсовцев в их свободное от «работы» время. В романе Стайрона во время «селекции» на перроне Освенцима чудовищным фоном для всего происходящего становятся громкие звуки «Кумпараситы».

Стремясь понять то, что происходило в Освенциме, Стайрон прочел множество воспоминаний тех, кому посчастливилось выжить. По большей части эти воспоминания сфокусированы на страданиях евреев, поэтому писатель акцентирует внимание на том, что героиня его романа «не будучи еврейкой, <...> выстрадала не меньше любого еврея, пережившего те же испытания <...>» [2, 302]. Стайрон также напоминает, что первыми, на ком испытали в Освенциме новые способы массового уничтожения людей, стали советские военнопленные. Цитируя книгу Джорджа Стайнера «Язык и молчание», Стайрон замечает: «Многим евреям чрезвычайно трудно представить себе картину в целом, заглянуть за пределы ожесточенного геноцида, проводившегося нацистами, вот почему Стайнер, еврей, лишь вскользь упоминает о великом множестве людей нееврейской национальности – о сотнях тысяч славян и цыган, попавших в жернова лагерной машины и истреблявшихся там столь же неуклонно, как евреи, хотя порой, быть может, менее методично, – представляется мне не столько недостатком, сколько простительным упущением с его стороны» [2, 302].

Однако проблема антисемитизма звучит в романе в полный голос. В этом смысле представляет интерес брошюра, написанная отцом героини Стайрона – польским профессором-антисемитом Збигневом Беганьским, – «Еврейский вопрос в Польше: даст ли национал-социализм на него ответ?». Его ненависть к евреям выливается в ряд предложений по осуществлению их депортации из Польши (в частности, он входит в состав правительственной комиссии по изучению возможностей создания еврейских поселений на Мадагаскаре). Профессор оказывается и одним из родоначальников идеи выделения «скамьи гетто» для еврейских студентов. Следующим шагом становится его рукопись, в которой поначалу выдвигается предложение «тотального выдворения» евреев, в окончательной редакции уверенно измененное на «уничтожение». Таким образом, заглавие брошюры профессора Беганьского звучит как риторический вопрос. Косвенный ответ на вопрос героя Стайрона можно найти и в рукописи Хесса «Окончательное решение еврейского вопроса» [7], раскрывающей смысл этого кодового названия: пересылку в Освенцим эшелонов с евреями, подлежащими уничтожению в газовых камерах Биркенау.

В то же время в романе Стайрона появляются и те, кто, рискуя собственной жизнью, спасал евреев от смерти. Одним из таких людей был девятнадцатилетний подпольщик Юзеф, чьей миссией во время оккупации Польши стало убийство соотечественников-предателей: «...среди поляков было много таких, которые выдавали евреев нацистам – иногда за деньги,

иногда – так. И Юзеф <...> их душил струной от пианино. <...> Он убил человек шесть или семь» [2, 491]. Юзефа, в свою очередь, убивают украинские националисты: «...фашисты выследили его. <...> Нацисты имели таких больших украинцев, которые занимались для них убийством. Они пришли <...> днем <...> и перерезали Юзефу горло. <...> Он лежал на лестнице и истекал кровью...» [2, 492].

Документальные источники позволяют Стайрону продемонстрировать не только отсутствие единства среди тех, кто противостоял фашизму, но и доказать, что антисемитизм не был присущ какой-то одной определенной нации.

Рассказ о том, как оказавшиеся в концлагере подпольщики продолжали борьбу, основан на «Воспоминаниях» Хесса и на иных документальных материалах. В частности, когда подруга Софи – Ванда – в очередной раз просит Софи о помощи, она призывает: «Ты должна все время держать глаза и уши открытыми. <...> Перемещения персонала, изменения в политике, передвижения этих свиней, эсэсовского начальства, – любая информация бесценна. Это же кровеносная система лагеря. Новости с войны! Все что угодно, что можно использовать против их грязной пропаганды. Неужели ты не понимаешь, высокий моральный дух – это единственное, что у нас осталось в этом аду. К примеру, добыть радиоприемник – вот это было бы бесценно! <...> если бы ты сумела выкрасть радио, чтобы мы могли слушать Лондон, это было бы все равно что спасти тысячи и тысячи жизней» [2, 536-537]. В «Воспоминаниях» бывшего коменданта концлагеря встречаются утверждения, что узники были информированы о том, что в действительности происходило на фронте, так как имели возможность слушать радио. Правда, по версии Хесса, информация была легкодоступна, что далеко не соответствует истине.

Смерть Ванды стала типичной для тех, кто имел смелость противостоять нацистам: «...ее поймали на подпольной работе. Ее отвели в тот хорошо известный тюремный блок. Ее пытали, потом подвесили на такой крюк, и она медленно задушилась до смерти... <...> Она была самый храбрый человек, какого я знала» [2, 567-568]. В данном случае героиня Стайрона повествует об одном из множества способов расправы с непокорными в концлагерях.

Влечение Хесса к Софи также имеет под собой определенную документальную основу. Имеются свидетельства того, что Хесс едва не был разжалован за связь с еврейкой. И намерение Софи соблазнить коменданта лагеря, в свою очередь, мотивировано в романе. Софи, потерявшая во время «селекции» свою дочь, стремится спасти жизнь сыну или хотя бы просто увидеть его. «...Во время отбора на железнодорожной платформе происходили трагические сцены: <...> разбивались семьи, людей охватывало волнение, беспокойство. <...> Конечно, каждая семья хотела быть вместе <...>, женщины <...> старались присоединиться к <...> детям, признанным трудоспособными» [3], – читаем у Хесса.

Во имя спасения жизни сына Софи готова на все. И Хесс дает ей слово офицера, обещающая отправить Яна из лагеря по специально разработанной нацистами программе, предполагающей онемечивание подходящих эсэсовцам по ряду параметров детей. «Почему я решила, что у этого эсэсовца может быть такая вещь, как честь? Возможно, из-за отца – он всегда говорил про германскую армию и офицеров и про то, какое у них высокое чувство чести, и принципы и прочее. Не знаю. Но Хесс не сдержал слова...» [2, 566]. Ян, очевидно, погиб так же, как многие другие, когда нацисты уничтожали узников, стремясь скрыть следы преступлений.

Размышляя спустя двадцать лет о скрытности Софи, Стинго пишет: «Я уже не раз упоминал о нежелании Софи говорить об Аушвице, о ее твердом и непреклонном молчании по поводу этой зловонной сточной ямы ее прошлого. <...> Мое представление о пребывании Софи в Аушвице получилось фрагментарным и, возможно, несколько искаженным, но в этом нет никакой предвзятости. Даже если бы Софи решилась открыть Натану или мне мрачные подробности двадцати месяцев, проведенных в Аушвице, я бы, наверное, вынужден был опустить над ними завесу, ибо, как замечает Джордж Стайнер, неясно, “не опасно ли тому, кто сам этого не испытал, касаться этих ужасов”» [2, 300-301]. Далее герой-повествователь (а фактически, сам Стайрон) поясняет: «Должен признаться, меня преследовало чувство, что я вторгаюсь в область испытаний, бесконечно унижающих человека, абсолютно необъяснимых и по праву неотъемлемо принадлежащих лишь тем, кто это выстрадал и погиб или вы-

жил. <...> Однако я не могу повторить вслед за Стайнером, что *молчание* – наилучшее решение вопроса <...>, тем более что сам-то Стайнер не молчал» [2, 300-301].

В то же время мысль Стайнера об опасности для человеческой психики информации определенного рода находит косвенное подтверждение в романе «Выбор Софи». Натан, который, как выясняется по мере развития действия, болен параноидальной шизофренией, до поры до времени, как и многие его соотечественники, имел весьма отдаленное представление о том, что происходило в Европе в первой половине сороковых годов. Однако просмотр кинохроники заставил его в самый короткий срок собрать информацию об ошеломивших его событиях: «...в кинотеатре <...>, куда они пошли смотреть фильм <...>, веселое настроение <...> было мгновенно сметено коротким документальным фильмом о Варшавском гетто. Софи захлестнула волна воспоминаний – она все узнавала. <...> Но тут до ее сознания дошло, что на экране происходит некий обряд: группа евреев сбрасывает покров с монумента памяти погибшим и их страданиям, а тенор, словно ангел, пронзенный кинжалом в сердце, выводит на иврите реквием над мрачной картиной опустошения. В темноте кинотеатра Софи услышала, как Натан пробормотал незнакомое слово: «Kaddish» [8], а когда они вышли на солнечный свет, он в волнении провел пальцами по глазам, и она увидела, что по его щекам текут слезы» [2, 442].

Натан, фактически возвративший Софи к жизни, ставший ее единственной опорой в послевоенном мире, во время приступов безумия превращается в палача, терзая ее одним и тем же вопросом: почему она выжила, когда многие другие погибли? В такие моменты Софи представляется Натану одной из тех, кто истреблял евреев в Освенциме. Очевидно, у Натана было мало шансов на излечение, но нет сомнения в том, что новая информация усугубила его состояние и стала одним из решающих факторов суицида. Быть может, и Софи сумела бы со временем приспособиться к мирной жизни, если бы ей не пришлось вновь и вновь сталкиваться с напоминаниями о прошлом. В таком случае возникает вопрос: всем ли должна быть доступна информация определенного рода? Однако, следуя логике повествования, следует признать, что сам писатель убежден в необходимости исследования прошлого хотя бы для того, чтобы избежать возможности его повторения в будущем. Избранная Стайнером форма повествования позволяет донести до широкой аудитории самые острые проблемы современности, напомнить о том, что не должно быть предано забвению.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Йозеф Менгеле (Josef Mengele, 1911-1979) после войны бежал в Южную Америку, где в 1960-х гг. начал вести записи, позже озаглавленные «Иллюстрированная зоология». Менгеле не просто остался безнаказанным, но и продолжал отстаивать свои взгляды, оправдывая не имеющие оправдания эксперименты. Утонул во время купания в море в результате инсульта.
2. Стайрон Уильям. Выбор Софи: роман / пер. с англ. Т. Кудрявцевой. – СПб., 1993.
3. В русском переводе: «Воспоминания Рудольфа Хесса» // Освенцим глазами СС. – Освенцим, 1975 // Режим доступа: http://www.jhistory.nfurman.com/shoa/osvencim003_01.
4. «И. Г.» в данном случае означает «общность интересов» (Interessen-Gemeinschaft Farbenindustrie).
5. Конгломерат «И.Г. Фарбен» не только исследовал способы получения химикатов, используемых при производстве взрывчатых веществ, выпускал «циклон-Б» и т.д., но и приносил баснословные доходы Третьему рейху. Инженер Дюррфельд был директором химического комбината, производившего искусственную резину и синтетический бензин в Освенциме.
6. Комментарии. Режим доступа: http://www.jhistory.nfurman.com/shoa/osvencim003_11.
7. Режим доступа: http://www.jhistory.nfurman.com/shoa/osvencim003_02.
8. Кошмар (иврит) (примечание переводчика).